

И. КАНТ — УЧЕНЫЙ, ФИЛОСОФ, ГУМАНИСТ

История философии в прошлом, до Маркса, знала немало смелых попыток универсально охватить в одной целостной системе мировой процесс развития природы, общества и познания, представив в рамках этого процесса место и судьбу человека, философии и науки.

Наиболее значительными попытками были те, которые связаны с творчеством великих домарксовских мыслителей. Среди них крупнейшие — Демокрит, Платон, Аристотель, Бэкон, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант и Гегель. Кант открыл новую страницу в истории теоретической мысли, положив тем самым начало великим диалектическим учениям начала XIX в. — одному из теоретических источников марксизма. Без Канта не было бы ни Фихте, ни Шеллинга, ни Гегеля, которые стремились исправить, развить или преодолеть учение Канта.

Это значение Канта как первого классика и основоположника немецкой классической философии, зачинателя диалектики нового времени как учения о противоречиях признавали и подчеркивали корифеи марксизма. Они отмечали также и то, что слабые стороны кантовского теоретического наследия активно используют оппортунисты и ревизионисты всех мастей.

Кант — многогранный ученый, энциклопедист. Он выдвинул целый комплекс передовых космологических и геолого-географических идей, внеся идею историзма в науки о природе. Но главное в том, что Кант поставил вопрос о необходимости исследовать познание, а исследование процесса познания и его структуры и в настоящее время является одной из очень важных проблем. Значение ее с большей силой было подчеркнуто В. И. Лениным в «Философских тетрадах». Проблема уровней знания, занимавшая столь большое место в философии Канта, и в наши дни является одной из актуальных проблем, активно обсуждаемых в философской литературе.

Многие из вопросов, поставленных Кантом, своеобразно преломляются в ряде проблем современной методологии и логики научного познания. Среди них — проблема «чистых» теоретических конструктов (идеальных объектов) и вообще так называемых «языковых каркасов», а также динамики научного исследования в рамках исследовательских программ, то есть такой системы четко фиксируемых исходных основоположений, которые задают общий контур дальнейшей разработки предмета

науки. Эта важная методологическая проблема впервые была поставлена и разработана Кантом, хотя и в искаженной априористской форме. Если суждения, фиксирующие данные чувственности, не могут обладать признаками необходимости и всеобщности, то как же объяснить в таком случае факт существования положений математики, не чуждой наглядности, и естествознания, отнюдь не чуждого фактам чувственности, многие законы которого обладают всеобщими и необходимыми признаками? Кант стал искать истоки всеобщности теоретического знания в априоризме, в глубинных структурах самосознания. Это неверный путь, но на него толкали его факты действительного наличия в деятельности нашего мозга исторически закрепленных структур познающего «поведения», а проблема внеопытности абстрактной математики — это действительная и сложная проблема. Кроме того, очень ценно вообще то, что Кант остро поставил вопрос: что же такое наука по своей логической структуре? Каковы происхождение и состав категорий научного мышления?

В связи с этим Кант ставит две ключевые, по сути дела, — если их брать вместе, — диалектические проблемы выяснения различной природы чувственного и рационального и проблему перехода, скачка от чувственного к рациональному и от эмпирического к теоретическому. Но решить эти проблемы в эпоху господства метафизики было невозможно, ибо чувственное рассматривалось тогда как безусловная противоположность рациональному, и наоборот. Поставив диалектическую проблему, Кант не смог дать ее диалектического решения. Он не смог также поставить вопроса о развитии в теории познания, о связи познания с реальными потребностями людей. Правда, в своей гносеологии Кант зафиксировал тот факт, что в познании имеет место относительная независимость теоретической деятельности от непосредственной практики людей, и этот момент также получил, в частности, смутное отражение в учении Канта о «чистых» априорных формах познания. Кантовское понимание категорий было идеалистическим, так как он выводил их из «чистого» сознания и рассматривал как неизменные. Но мыслитель был глубоко прав в том, что новое знание всегда подводится под определенные, известные ранее категории. Даже и в чувственном познании непосредственно, добавим мы, получаемые нами в ходе практики данные подводятся под уже выработанные ранее категории, и мы образуем эмпирические предпосылки для теоретического знания.

Общие понятия и отношения, по Канту, обуславливаются функцией самого рассудка, а именно единством его деятельности, приводящей различные восприятия, представления и суждения, в конце концов, к единому синтезу. И именно от Канта идет идея научного познания как синтеза, развитая Гегелем. Эта идея нашла рациональное разрешение в марксистской тео-

рии познания и, в частности, в знаменитом «Введении» (1857) Маркса к труду «К критике политической экономии».

Кант приложил много усилий к тому, чтобы понять механизм синтеза знания. И хотя он его не нашел, а только угадал в мистифицированной форме отдельные звенья, тем не менее он стоял на пороге преодоления дуализма чувственности и рассудка, содержания знания и его формы и вместе с тем эмпирического и теоретического знания.

В нашей философской литературе уже не раз отмечалась большая заслуга Канта в том, что он обратил внимание на активность мышления в познании, на деятельную, творческую сущность человеческого сознания, стремился опровергнуть представление о созерцательной природе человеческого сознания и, по сути дела, выдвинул тезис об активности субъекта, подлинное обоснование и раскрытие которого дал Маркс в «Тезисах о Фейербахе».

Трактовка творческой деятельности сознания оказалась у Канта во многом ошибочной, ибо объект познания стал превращаться у него в продукт сознания: рассудок создает природу как априорный конструкт, творческая активность тем самым превращается у Канта во внепрактический фантом. Тем не менее Канту принадлежит немалая заслуга в постановке вопроса о роли творческой деятельности теоретика в науке, вопроса, который активно обсуждается ныне в логике науки, в частности, как проблема так называемых идеализаций (о них говорил Маркс в III томе «Капитала» и Энгельс в «Диалектике природы») и конструктов как «стратагем действия» (о них писал Маркс в «Математических рукописях»).

В кантовском учении о познании содержались и многие другие глубокие идеи, которые послужили исходным пунктом для поисков правильного, подлинно диалектического решения проблем мышления. Задуманная как критика диалектической видимости, трансцендентальная диалектика Канта, т. е. учение о философском разуме, содержала в себе элементы позитивного решения вопроса о высшей ступени познания. Материалистически истолкованное кантовское утверждение, что «идеи» разума имеют методологическое значение и что благодаря им наше знание стремится к системе, хотя полной системы и не достигает, отражает важную и вполне реальную закономерность познавательного процесса.

Мы остановились лишь на некоторых достижениях кантовской теории познания, достижениях, которые, несмотря на их обремененность идеалистическими и метафизическими недостатками «критической» философии и историческую отдаленность от наших дней, сохраняют позитивное значение для разработки актуальных проблем диалектико-материалистической гносеологии. Эти вопросы глубоко проанализированы в трудах советских кантоведов Л. А. Абрамяна, В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги,

И. С. Нарского, Т. И. Ойзермана, Г. В. Тевзадзе, В. И. Шинкарука и др.

Из числа великих, основополагающих вопросов, поставленных Кантом, важнейшим был вопрос: «Что такое человек? Каково его назначение и место в мире?» Кант даже считал, что все другие философские вопросы подчинены этому вопросу, так как «самый главный предмет в мире, — писал он, — это человек, ибо он для себя своя последняя цель» (6, 351) *.

Кант поставил вопрос о деятельной, преобразующей роли человека как субъекта исторического процесса, о сущности, месте и роли человека в окружающем мире, ибо человек по природе существо деятельное, активное. Эта деятельная сущность человека, согласно Канту, наиболее полно проявляется в области нравственного поведения. Мыслитель видит несоответствие природы человека тому месту, которое он занимает в действительности. Более того, Кант говорит об искажении облика человека «навязанными» обстоятельствами, имея в виду условия бюрократической жизни в феодальном обществе, затхлой атмосфере тогдашней Пруссии. Он пронизательно вглядывался в социальные проблемы, стремясь помочь человеку, «как надлежащим образом занять свое место в мире и правильно понять, каким надо быть, чтобы быть человеком» (2, 204).

Этот своего рода антропоцентризм позволял Канту возвести нравственное начало человека на высший пьедестал в философии. Антропоцентризм этот, сложившийся под сильным влиянием Руссо, — вдохновителя якобинцев и кумира их вождя Робеспьера, — приводит Канта и к новой оценке назначения самого человека.

Уже в сочинении «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764) Кант подчеркнул необходимость исследования человека не только как разумного, но и морального существа. «Сам я по своей склонности исследователь. Я испытываю огромную жажду познания, неутолимое беспокойное стремление двигаться вперед или удовлетворение от каждого достигнутого успеха. Было время, когда я думал, что все это может сделать честь человечеству, и я презирал чернь, ничего не знавшую. Руссо исправил меня. Указанное ослепляющее превосходство исчезло; учусь уважать людей...» (2, 205). Ширится интерес Канта к проблемам государства, прав человека, общественного неравенства, народного суверенитета, создания будущего, справедливого общества.

Согласно Канту, важнейшая революция во внутреннем мире человека — это раскрепощение человеческого разума, обретение

---

* Все цитаты из Канта (за исключением особо оговоренных случаев) даются по изданию: Кант И. Соч. в 6-ти т. Под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М., 1963—1966. (В тексте в круглых скобках первая цифра означает том, вторая — страницу.)

умения самостоятельно пользоваться им, борьба за свободу мысли. Эпоха Просвещения провозгласила автономность личности, равенство людей, необходимость разумного устройства общественной жизни, воспитания цельной человеческой личности и свободы мысли. И. Кант, находящийся под сильным влиянием просветительского движения не только в Германии, но и во Франции, и в Англии, стал одним из наиболее ярких выразителей просветительских буржуазно-демократических идеалов, хотя он и не целиком разделял воззрения лидеров французского Просвещения. Свобода человека была его постоянной темой!

У Канта мы находим подход к пониманию человека как общественного существа, обязанного развивать свои способности в соответствии с идеями гармонической личности, свободы и равенства людей. С позиций идеалистического гуманизма Кант не мог дать правильного целостного решения проблемы человека, но многие замечательные мысли его сохраняют свое значение и в наши дни. Пытаясь выяснить, чем определяется историческое развитие страны и народов, он пришел к выводу, что оно зависит не от внешних случайных факторов (смены правителей, завоеваний, распрей), а от глубоких и необходимых: «от положения этих стран, продуктов (труда), нравов, ремесел, торговли и народонаселения» (2, 288).

Весьма важны, хотя и не лишены просветительной схематичности, мысли Канта о структуре человеческой психики и об антагонистической борьбе эгоизма и альтруизма в человеческой природе. Он мечтал о реальном нравственном человечестве и разумном устройстве всей его жизни.

В философско-исторических воззрениях Канта важное место занимает проблема происхождения человека. Исторический взгляд на развитие человечества ярко продемонстрирован в работе Канта «О различных человеческих расах» (1775). Здесь великий философ выдвигает идею единства человеческого рода, он пишет, что «все люди на всем пространстве земли принадлежат к одному роду... как бы сильно они вообще ни различались по своему внешнему облику» (2, 445—446). Причины же различий человеческих рас Кант усматривал в воздействии естественно-материальных условий жизни, включающих в себя свойства почвы, климат и т. п.

Кант неоднократно обращался к истокам человеческой истории, стремясь воссоздать прошлое человеческого общества, основные этапы его развития. Он понимал, что, говоря о далеком прошлом человеческой истории, недопустимо основываться на предположениях и библейском предании. В работе «Предполагаемое начало истории человечества» (1786 г.) Кант писал: «Делать предположения относительно развития истории, дабы заполнить пробелы в сведениях, конечно, допустимо, ибо предшествующее, как отдаленная причина, и последующее, как следствие, могут служить вполне верной путеводной нитью для

открытия промежуточных причин, которые сделали бы понятным переход от первого ко второму. Одако история, составленная исключительно из предположений, будет, видимо, не более ценна, чем проект романа»¹.

Кант считает допустимым в объяснении человеческой истории отдаленного прошлого прибегать к помощи гипотезы и аналогии, опираясь на опыт истории и скудные фактические данные. Рассматривая основные ступени (у Канта — шаги) развития человеческого общества («на крыльях фантазии, хотя не без путеводной нити, прикреплённой к опыту»), Кант характеризует «первоначальную человеческую историю» «как переход из дикости чисто животного существования в состояние человечности, от подчинения инстинкту к руководству разумом, — одним словом, переход из-под опеки природы в состояние свободы»².

Кант подробнее останавливается на «постепенном переходе от чисто чувственного влечения к идеальному, от чисто животной потребности мало-помалу к любви, от ощущения просто приятного к пониманию красоты»³. Следует, утверждал мыслитель, «хорошим поведением внушать другим уважение к себе»⁴. В общении с другими, полагал он, возникает потребность самовоспитания — «первое указание к воспитанию человека, как нравственного существа». Это «незаметное начало» сделало, по мнению Канта, «эпоху тем, что указало совершенно новое направление образу мышления, — важнее, чем следующий за ним целый необозримый ряд завоеваний культуры»⁵.

Длинный ряд поколений, следующих друг за другом, и «поступательное шествие к совершенствованию» и цели — «это движение, которое для рода является прогрессом, переходом от худшего к лучшему», но оно «не имеет того же значения для индивидуума». Лишь в ряде поколений идеи разума и прогресса находят свою реализацию и достигают цели⁶.

Важный третий шаг, который проявился в развитии истории, состоит, по мнению Канта, в рассудочном ожидании будущего. «Эта способность, — не только наслаждаться настоящим моментом, но приблизить к себе так же очень часто весьма отдаленное время, — является решительнейшим признаком человеческих преимуществ, так как позволяет ему подготовиться, соответственно своему назначению, к отдаленным целям»⁷.

Итак, человек, в отличие от своих предков и животных, имеет будущее — «источник забот и огорчений». Возникает утешительная и ободряющая мысль — «жить для потомства»⁸.

И, наконец, следующий шаг (четвертый), осуществленный разумом в историческом развитии, решительно поднимающий человека над уровнем животного, «выразился — в сознании человека (хотя только смутном) того, что он, собственно, является целью природы и что все живущее на земле не может выставить против него соперника». На этом этапе, по Канту, «человек вступил в отношения равенства со всеми разумными

существами, к какому бы классу они ни принадлежали, в силу своего безусловного желания самому быть целью, встречать со стороны всякого другого именно такую оценку и не быть употребляемым просто как средство для целей других»⁹. Здесь, по Канту, «лежит основание этого столь неограниченного равенства людей», не зависящего ни от происхождения, ни от природных дарований людей. Кант понимает всю сложность и противоречивость общественных отношений, непримиримость и антагонизм различных интересов и минусы цивилизации. Он высмеивает библейские сказки о прелестях рая и «тоску по золотому веку, образ которого столь восхваляется поэтами, лживые мечтания о беззаботности и привлекательности Робинзонов и тех, кто в них верит. в возможность возвратиться в прошлое, в состояние «равенства и наивности», в эпоху «покоя и мира», «невежества и невинности», т. е. в первобытное общество. Но возврата к прошлому, категорически утверждает Кант, быть не может, цель впереди.

Разумеется, многие выдвигаемые в этой связи Кантом положения не согласуются с данными современной нам науки и марксистским учением о происхождении человека. Исторический процесс выступал у него в виде процесса воспитания человека. Но для нас важно то, что Кант стоял на точке зрения естественноисторического возникновения и развития человечества, а цель истории усматривал в формировании человека гармонического и всесторонне развитого. Кант, по существу, отмечает религиозно-церковную мифологию, и это следует особо подчеркнуть.

Исторический процесс выступал у Канта в виде процесса воспитания человека. А апофеоз истории — это формирование человека как гармонично и всесторонне развитого существа. И что здесь особо примечательно, так это то, что у Канта тут вырисовывается (точнее, смутно намечается) концепция периодизации истории по эпохам господствующего действия различных императивов — «гипотетических» и категорического. Более того, намечается глубоко диалектическая по общей интенции схема противоборства различных императивов, в котором в конце концов, по убеждению Канта, должен победить категорический императив подлинно человеческой (достойной свободного человека!) морали. Эта идея Канта во многом утопична, но в ней выразилась и его глубокая вера в будущее человека.

Много ценного и поучительного в мыслях Канта о культуре, о «культивировании» способностей и сил человека. Кант отмечал при этом две противоположные тенденции в развитии человека: тенденцию общения и тенденцию к взаимообособлению. Первая помогает человеку осознать себя как часть человеческого рода, утвердить, реализовать неразрывную связь своих интересов с интересами всего общества. Вторая способствует развитию природных задатков человека в процессе борьбы. Это средство исторического прогресса означает борьбу противоречивых волей,

интересов, честолюбия, эгоистических устремлений, но оно необходимо для достижения высшего общественного блага. В статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» мы читаем: «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законообразного порядка» (6, 11).

Развитие всех задатков, заложенных в человечестве, возможно, по Канту, лишь в будущем так называемом всеобщем правовом гражданском обществе. Это не что иное, как идеализированное буржуазно-демократическое общество, основанное на свободе всех ее членов от феодально-сословного угнетения, на разумном законодательстве (конечно, надо учесть горизонт классового подхода Канта к частной собственности). Но он проныцательно увидел, что «правовой, т. е. буржуазный, порядок не устраняет антагонизма и между людьми до конца». Кант правильно отмечает неустранимость противоречий внутри буржуазного общества, хотя иного общества Кант не представлял себе, не мог себе представить, как и многие другие передовые мыслители его времени. Главная направленность его философии истории и социологии — антифеодальная: «Нет ничего ужаснее, — писал Кант, — когда действия одного человека должны подчиняться воле другого. Поэтому никакое отвращение не может быть более естественным, чем отвращение человека к рабству». И далее: «Человек, зависящий от другого, уже не человек: он это звание утратил, он не что иное, как принадлежность другого человека» (2, 220). В этих рассуждениях Кант выступает в общем с позиций молодой буржуазии, основными лозунгами которой были «свобода» и «равенство», он толкует эти лозунги наиболее гуманистично и демократично.

На протяжении всей своей жизни Кант интересовался проблемами социальной педагогики, вопросами воспитания и образования человека-гражданина. Он усиленно пытался отыскать и раскрыть «секрет воспитания». Кант подчеркивал роль и значение самостоятельного мышления как важнейшей характеристики личности. В известной максиме *Sapere aude* («Думать самому») (6, 471) он формулирует принцип мышления, свободного от привычки к пассивному нерассуждательству. Человек становится личностью лишь в том случае, если он обладает самостоятельным мышлением. «Не мыслям он (т. е. преподаватель. — Д. Г.) должен учить, а мыслить... Окончивший школу юноша привык учиться. Он думает, что будет учиться философии, но это невозможно, т. к. теперь он должен учиться философствовать» (2, 280—281).

Не только в трактате «К вечному миру» (1795), но и в статьях «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), в «Предполагаемом начале человеческой истории» и некоторых других Кант ставит вопрос о всемирно-граж-

данском обществе, основанном на союзе народов. Длительная борьба и войны между государствами, антагонизмы человеческого существования должны исчезнуть и привести к миру и единству, полагал Кант. Идея вечного мира, как и все его социально-политические взгляды, базировалась у него на моральной основе. Стремление людей к миру он обнаруживает в виде постоянной внутренней необходимости достижения высшего морального единства.

Идея вечного мира имеет у Канта два значения: регулятивное — практическое и целевое — перспективное, историческое. Как правильно отмечает И. С. Андреева, «установление связи между целенаправленной деятельностью людей и моральным прогрессом открывает новые горизонты для последующего осмысления человеческой истории и для преодоления того умозрительного подхода к этим проблема, который был свойствен Канту»¹⁰.

Мы уже отметили в иной связи, что Кант обратил внимание на роль противоречий (антагонизмов) в историческом развитии, считая их важным условием развития человека и человечества. Противоречия и столкновения интересов вынуждают людей и государство ради собственной пользы сотрудничать друг с другом и заключать соглашения для предотвращения столкновений. С диалектических позиций Кант обратил внимание на значение не только противоречий, но и единства в общественном развитии, обусловленного общностью целей человечества. Мы видим, кроме того, что Кант выделяет два вида противоречий в общественной жизни: 1) между людьми и 2) между государствами. Та же самая «необщительность», «неуживчивость», которая свойственна людям, распространяется Кантом и на межгосударственные отношения. Природа использовала эти противоречия и в отношениях между государствами «как средство для того, чтобы в неизбежном антагонизме между ними найти состояние покоя и безопасности; другими словами, она посредством войн и требующей чрезвычайного напряжения, никогда не ослабевающей подготовки к ним, посредством бедствий, которые из-за этого должны даже в мирное время ощущаться внутри каждого государства, побуждает сначала к несовершенным контактам, но в конце концов, после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил, к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального опыта, как именно выйти из незнающего законов состояния диких и вступить в союз народов». Кант не видел того, что истинные причины возникновения войн порождены наличием антагонистических общественных отношений. Но мысль его о том, что состояние мира должно быть в конце концов установлено усилиями, волей и разумом людей, была прогрессивной. Отметим и то, что Кант считал справедливыми войны, которые ведутся в целях обретения национальной независимости.

В целом же отношение Канта к войне резко отрицательное. Напомним, что и в работе «Предполагаемое начало истории человечества» Кант рассматривает войну как величайшее бедствие и разорение для народов. Но не только войны. «Следует признать, — пишет он, — что величайшие бедствия, терзающие культурные народы, — это последствия войны... и неослабевающие и даже увеличивающиеся приготовления к будущей. На это тратятся все силы государства, все плоды его культуры, которые могли бы употребляться для еще большего распространения последней»¹¹. Итак война, полагал Кант, неизбежна, но «при достижении нами наивысшего предела прогресса «настоящий мир» единственно возможен» и благотворен.

Кант сурово осуждает войны агрессивные, захватнические. Разоблачая колониальную политику «цивилизованных» европейских государств по отношению к народам Америки, Индии и Японии, он писал, что «несправедливость, проявляемая ими при посещении чужих стран и народов (что для них равносильно их завоеванию), оказывается чудовищной» (6, 287). С беспощадной иронией Кант разоблачает европейских и американских правителей, использующих войну для завоевания и порабощения народов Африки и Азии.

Итак, что же надо предпринять для утверждения мира на земле? «...Должен существовать, — пишет Кант, — особого рода союз, который можно назвать союзом мира и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам и навсегда» (6, 288). Таким образом, антагонизмы в отношениях между государствами вынуждают, по Канту, как это ни парадоксально, вступить в отношения сотрудничества и взаимопомощи, создать международное право и содействовать его соблюдению. Все это, по Канту, является частичной реализацией нравственного разума, категорического императива, но здесь налицо весьма глубокие, диалектические и реалистические мысли. К тому же Кант провозглашает наличие некоего природного механизма развития человечества в духе гипотетических императивов, благодаря которому может сохраняться мир. Это взаимный интерес выгоды, дух торговли, который рано или поздно, но действует у каждого народа. Таким образом, мы видим теперь, что проблему движения к вечному миру и поддержания мира между государствами Кант решал, принимая во внимание ряд разных факторов и обстоятельств, далеко не упрощенно.

Кант был убежден в прогрессивном развитии человечества и в торжестве разума над злом. Он оптимистически утверждал, что «самим устройством человеческих склонностей природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью недостаточной, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязывающей

нас добиваться этой не столь уж призрачной цели (6, 287).

Вечный мир — это не иллюзия, а насущная задача, которая должна быть решена человечеством, хотя путь к ней нелегок, сложен и долог. Великий философ понимал, как далеко отстоит его эпоха от будущих времен осуществления его мечты о вечном мире. Но он верил в «постоянное приближение состояния вечно-го мира» и «что это состояние вполне осуществимо» (2, 278, 283), и что всеобщий мир — это «задача, которая постепенно разрешается» (6, 309). При этом Кант требовал равноправия народов. Он выдвинул идею права каждого народа на самостоятельное политическое устройство и принцип невмешательства других государств в его внутренние дела, порицает милитаризм. Он критикует феодальные правовые представления о государстве как наследственной вотчине и подчеркивает право народов на самоопределение.

Заметим еще то, что, воистину опережая историю, Кант заканчивает первый раздел трактата «О вечном мире» следующими словами: «Отсюда следует, что истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены» (6, 264).

Кант выдвигал идею федерализма свободных государств как основы международного права, гарантирующей вечный мир. По поводу этой идеи у Канта возникло немало неверных трактовок и оценок. Но Кант недвусмысленно подчеркивает, что речь идет здесь не о каком-то мировом государстве, а об объединении суверенных национальных государств на основе равноправного союза. «Это был бы союз народов, — пишет он, — который, однако, *не должен* (курсив наш. — Д. Г.) быть государством народов» (6, 271). Как отмечал немецкий марксист Г. Менде, мысль Канта «о мирном союзе народов представляет собой драгоценное достояние немецкой национальной культуры»¹².

Вопросы войны и мира особенно актуальны в современную эпоху. Как подчеркнул в своем докладе на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Л. И. Брежнев: «На протяжении многих веков люди — по крайней мере самые мудрые среди них — не уставали осуждать и проклинать войну. Народы мечтали о прочном мире, и тем не менее зловещие отблески военных пожаров, больших и малых, лежат почти на каждой странице истории человечества»¹³.

И хотя кантовский проект вечного мира во многом носил утопический характер, но тем не менее Кант — наш союзник в борьбе за исключение войн из жизни человечества. И нам дорого это идейное наследие великого мыслителя. Идеи Канта о мире имеют не только историческую и нравственную ценность,

но сохраняют и политическую актуальность в нашу эпоху. Нам дорого стремление великого гуманиста превратить идею мира в практическую программу политической деятельности, осуждение им агрессивных войн и ориентация на разрешение спорных вопросов между государствами мирным путем.

Кантовская философия глубоко противоречива, она обременена целым рядом принципиальных недостатков, заблуждений, за которые цепляются ныне неокантианские эпигоны и вообще представители буржуазно-философского декаданса XX века. Но Кант также поставил и животрепещущие вопросы — об активности субъекта, об устойчивых компонентах и конструирующих функциях процесса познания, о человеке и его назначении, о месте долга в системе нравственных ценностей, противоречивости в мышлении и в общественной жизни, о преодолении войны и установлении вечного мира как цели истории и др.

Историкам философии — марксистам предстоит углубить анализ всех этих сторон философии Канта. Актуальной задачей остается и критика фальсификаций кантовского учения современными буржуазными философами, которые превращают его то в экзистенциалиста и феноменолога, то в этического псевдосоциалиста и полуревизиониста, то даже в религиозного иррационалиста чуть ли не типа протестантских «неоортодоксов» и т. д. Кант — сложный и нелегкий мыслитель. Неудивительно, что пока есть и в советском кантоведении некоторые еще нерешенные проблемы, спорные трактовки и постановки вопросов. И это вполне естественно. Но именно мы, марксисты-ленинцы, — наследники всего лучшего, что было создано Кантом. И недаром Энгельс в 1882 году писал, что мы, марксисты, гордимся тем, что среди предшественников научной диалектики и гуманистических идей социализма был Иммануил Кант.

---

¹ Кант И. Предполагаемое начало истории человечества. — В кн.: Родоначальники позитивизма. Вып. 1. Кант, Тюрго, Д'Аламбер. Спб., 1910, с. 17.

² Там же, с. 22.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 22.

⁷ Там же, с. 20.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ Философия Канта и современность. М., 1974, с. 241.

¹¹ Кант И. Предполагаемое начало истории человечества, с. 23.

¹² Философия Канта и современность, с. 256.

¹³ Брежнев Л. И. За справедливый и демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. Речь на Всемирном конгрессе миролюбивых сил. М., 1973, с. 5.